

Позади них я заметила мистера Гладли, выходящего из своего класса. Никто из девушек, казалось, ничего не заметил, поэтому их болтовня продолжалась, пока я смотрела, как он засовывает стопку папок под мышку и запирает дверь.

- На ее месте я бы покончила с собой, - заявила одна из девушек.

Мистер Гладли обернулся, и не было никаких сомнений, что он слышал, о чем они говорили, и его глаза встретились с моими.

- Так рада, что у нас нет физры с ней. Можешь себе представить, что придется смотреть на неё в раздевалке? От одной мысли тошно.

В лучшем мире, в лучшей школе это стал бы момент моего спасения. Но это Уинслоу, а я тихая, непопулярная девочка, над которой издевалась лучшая сучка в нашем классе и её компания друзей. Менее пяти минут назад мистер Гладли пытался заставить меня рассказать директору о том самом издевательстве, которое происходило у него на глазах, а теперь он просто бросил на меня грустный, смилившийся взгляд, поправил папки в своих руках, затем повернулся и ушел.

Мне хотелось удивиться. Мне хотелось быть шокированной тем, что он вот так просто бросил меня. Как может существовать такая жалкая пародия на учителя, когда прошлой ночью я встретила настоящего героя? Даже не одного, а целых двух. В городе, где есть Оружейник и Мисс Ополчение, как может существовать кто-то настолько не способной на правильный поступок?

Впрочем, я не удивлена. Никто ничего не сделал, когда произошёл инцидент со шкафчиком, кроме как подкупить нас с папой оплатой больничных счетов и на словах пообещать, что ничего подобного больше не повторится. Почему сейчас должно быть по-другому?

- Вы бы видели, как ее группа только что провалилась на уроке. На это было больно смотреть.

Это немного задело за живое, но я просто укрепила свою стойкость новыми заверениями в своей состоятельности. Я стала героем. Они не могли этого отнять.

- И от неё пахнет, - сказала одна девушка.

- Как от просроченного виноградного и апельсинового сока, - добавила Мэдисон, слегка рассмеявшись.

Однако в конце концов, они, похоже, теряли пыл. Я внутренне вздохнула с облегчением; пройдет совсем немного времени, прежде чем они сдадутся и уйдут, и тогда я смогу спокойно пойти поесть.

Однако теперь, как будто заметив, что атака начала ослабевать, Эмма шагнула вперед, и группа расступилась вокруг нее, словно она была неким Мессией, пришедшим освободить их.

- В чем дело, Тейлор? - спросила Эмма. - Ты выглядишь расстроенной.

Это было слабо. В этом не было ни остроты, ни изюминки, ни колкостей, которые присущи ее обычным оскорблениям и комментариям. Похоже будет продолжение, но я не собиралась давать ей инициативу, если могу остановить её, поэтому я открыла рот, чтобы сказать ей, куда именно она может засунуть свои переживания.

Однако удар Эммы был отрепетирован. Ей удалось договорить прежде, чем я успела выдать первый слог.

- Так расстроена, что целую неделю подряд будешь плакать до изнеможения пока не заснешь?

Что-то оборвалось внутри меня.

Нельзя выразить лучше, и я не могла сказать, почему эта единственная колкость, ужасная, но гораздо менее ужасная сама по себе, чем все остальные вещи, которые мне пришлось пережить, вместе взятые, подорвала последнюю нить моего самоконтроля. Может быть, это было просто последнее предательство, которое, наконец, довело всё до предела. Может быть, я просто слишком полагалась на Колхидскую Ведьму, и её мстительность проникла в меня слишком глубоко. Может быть, а может быть и нет, я действительно не знала наверняка.

Однако я знала, что в этот момент по моим венам разлилась кислота Медеи. Я знала, что потянулась к ней, почти инстинктивно, и притянула её к себе, ровно настолько, чтобы почувствовать её влияние, но недостаточно, чтобы направить её силу. Позже я поняла, что в тот момент открыла для себя новую грань своих способностей, но прямо тогда единственное, что занимало мои мысли о моих способностях, была отчаянная необходимость не дать им вырваться из-под контроля и выдать меня перед моими злейшими врагами.

Это было близко к истине. Многие другие мои герои были слишком благородны, чтобы позволить себе в гневе нападать на людей, которые намного слабее их, но Медея не была героем, во всяком случае, в самом строгом смысле этого слова. Ей причинили боль, наказали и предали, её заставили совершить ужасные вещи, убить собственного брата на глазах у любящего отца ради мужчины, которым промыли ей мозги, заставив полюбить, и когда она больше не была нужна, когда Джейсон больше не нуждался в ней, чтобы воровать и обманом выманив королей из их стран или сокровищ, она была выброшена, как использованная салфетка.

Медея не была героем, она была такой же жертвой, как и я, жертвой, с которой обращались ещё хуже, чем со мной, и она не удержалась, чтобы разорвать своих врагов на части или отомстить тем, кто причинил ей зло.

- Ох? - слова прозвучали обманчиво мягко; шелк, пропитанный ядом. - Я знала, что ты пала довольно низко, Эмма, но смеяться надо мной за скорбь по умершей матери? Разглашать секреты, рассказанные тебе под строжайшим секретом? Понимают ли твои друзья здесь, насколько ты бессердечна? Знают ли они, что ты набросишься на них в ту же секунду, как "перерастешь" их. Так же, как поступила со мной?

Эмма и ее прихлебатели, которые все смеялись надо мной, внезапно остановились, некоторые из них смотрели на Эмму с удивлением, как будто не знали, почему именно эта реплика стала столь эффективной. Я едва расслышала это из-за грохота крови в моих ушах.

- Ты бы тоже заплакала, если бы твоя мать умерла? - спросила я со злобой, которая, казалось, мне не принадлежала. Но всё равно была приятной. - Или твой отец? Или, может быть, тебя заботит твой отец только, пока он может вытащить тебя из беды, а когда перестанет, то...

Но София, рыча, шагнула вперед и подошла ко мне так близко, что мне пришлось сделать шаг назад. Я могла сосчитать поры у нее на носу, если бы захотела. Выражение ее глаз обещало насилие так же верно, как и сжатые кулаки.

- Такому ничтожеству, как ты, следует знать, что лучше не разевать рта на достойных.

Жестокий смех клокотал в моей груди, я почувствовала, как мои губы приоткрылись, когда он вырвался из моего рта.

- Ты права, София, ты просто всё неправильно поняла. Такому невежественному головорезу, как ты, прекрасно известно как лебезить перед со своим начальством.

Ее глаза опасно сверкнули, и краем глаза я увидела, как одна рука начала подниматься. Медея знала, что на это сказать.

- Что ты собралась делать, София? Ударить меня? Бить, пока не посинею? Снова отправить в больницу? Тебе многое сходит с рук, но неужели ты действительно думаешь, что сможешь утверждать, что защищалась или что-то в этом роде, если единственная часть тебя, которая окровавлена - это твои костяшки пальцев? Ты действительно думаешь, что твоя банда ручных социопатов будет просто сидеть и наблюдать, зная, что их за это могут посадить в тюрьму, или что понадобится всего один плохой день, всего один плохой день, прежде чем их ты тоже изобьешь? Ты думаешь, учителя проигнорируют нечто подобное, происходящее прямо у них на глазах? Тогда продолжай, София. Сделай это.

В течение нескольких долгих секунд она выглядела так, словно обдумывала это, как будто она действительно отчаянно хотела этого, но, несмотря на всё пренебрежительные комментарии, которые я, произнесла раньше о её интеллекте, я понимала, что она далеко не глупа. Если она ударит меня, то всё, что она сделает, это докажет мою правоту.

- Видишь ли, София, в конце концов, ты всего лишь школьный задира. Вы с Эммой никогда не будете более могущественными или более важными, чем вы есть прямо сейчас. Вершиной твоей жизни будут любые трофеи, которые ты выиграешь в качестве звезды легкой атлетики. После этого, в реальном мире? Ты будешь либо переворачивать бургеры у Фугли Боба, либо раздвигать ноги тому, кто больше заплатит.

В наступившей ошеломленной тишине всё, что я могла слышать - это как бешено колотится моё собственное сердце. Кто-то из шайки разинул рот, другие выглядели встревоженными, а некоторые, казалось, были даже впечатлены. Я воспользовалась этим моментом, когда все стояли там с широко раскрытыми глазами и в шоке, чтобы протиснуться мимо стайки девушек и совершить удачный побег. Никто, даже София, не попытался меня остановить.

Я не остановилась у подножия лестницы. Я не останавливалась ни в туалете, ни в пустом классе. Я даже не остановилась у парадных дверей. Я просто продолжала идти и идти, и не останавливалась, пока Уинслоу не остался далеко позади меня, и не оказалась в безопасности, в безопасности от них и их возмездия, в безопасности от слов Эммы и кулаков Софии, в безопасности от проделок Мэдисон.

Потом, там, на открытом месте, когда моя сумка соскользнула с плеча на землю, я начала смеяться. Беспомощно, не в силах остановиться, не в силах заставить себя успокоиться, я смеялась, смеялась и смеялась. Я смеялась до слез, а потом смеялась между всхлипываниями и всхлипывала между приступами смеха. Должно быть, я выглядела сумасшедшей для любого, кто меня видел.

И под всей этой болью, гневом и страхом у меня в животе вспыхнул крошечный огонек и согрел меня.

Так вот каков вкус победы.

— o.0.O.O.0.o —

<http://tl.rulate.ru/book/85742/3079014>